16 июн 1981

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ТЕАТР

Только смелость

Восемь лет назад гастроли Государственного театра молодежи Литовской ССР стали для москвичей открытием нового поколения театральной молодежи Литвы.

СПЕКТАКЛИ Дали Тамулявичюте, пьесы молодого драматурга Саулюса Шальтяниса привлекли оптимизмом, ироничным взглядом на сложности и несуразности жизни. Уже тогда их задорное, по-молодому талантливое искусство говорило об искреннем стремлении к переоценке ценностей — качестве, свойственном молодежи, а в искусстве и вообще всегда желанном, привлекательном.

Но были тогда и справедливые упреки: в репертуаре нет классики драматического и трагическо го содержания, не хватает спектаклей, которые вывели бы театр на более высокие уровни осмысления жизни, на иные ступени мастерства. Естественно, для этого требовалась зрелость. Сейчас такие спектакли у театра есть. И классика, и исследование современного человека на материале современной советской литературы. Спектакли эти родились на основе духовной общности национального и интернационального культурного богатства.

Шесть лет в театре работает [illegible] Поставлено шесть спектаклей, [illegible] каждый из которых — [illegible] видения человека и мира. [illegible]

[illegible] лирическим [illegible] Д. [illegible] режиссера театра З. [illegible] последовательно и упорно охватывал все более сложные аспекты борьбы человека с обстоятельствами жизни.

Идеи и факты [illegible] очерка В. Ели[illegible] в «Новом мире», [illegible] зарождения необычной театральной притчи о воскрешении пад[illegible] человека, [illegible] смысле жизни («Квадрат»). Пьеса В. Коростылева «Пиросмани, Пиросмани...» в сценической редакции С. Шель[illegible] драмой-легендой о [illegible] одиночества человека, [illegible] Но наиболее сильно художественное своеобразие режиссерского мышления Някрошюса представляют сегодня последние два спектакля — «И дольше века длится день» и «Дядя Ваня».

Роман Чингиза Айтматова [illegible] эпически [illegible] испытаниях человека, о борьбе его со всем, что есть злого [illegible] бездуховного [illegible] обществе, в [illegible] В спектакле [illegible]

[illegible] ность, как ритуальная атмосфера, пластика, [illegible] звуки и действия. Примечательно, как сам Э. Някрошюс находит объяснение для своего пути: «Театру необходимо учиться у литературы. Есть Чехов, есть Маркес, в их произведениях в одну ситуацию [illegible] тонов, объединяющихся в контрапункт, в [illegible]. И если [illegible] не только одну [illegible] дельно взятую краску, будем [illegible] отдельно взятый звук, а будем объединять краски в [illegible] и созвучия, тогда достигнем эффекта [illegible], свежести, тогда будем воздействовать на зрителя, волновать. Благодаря нам зритель как будто в первый раз увидит и любовь, и страдание».

«Режиссерский» театр, нередко заслуженно осуждаемый за небрежное обращение с литературой, своеволие ради демонстрации самого себя, у Э. Някрошюса оправдан. Пересоздание [illegible] его театральной игры есть не столько средство, сколько способ художественного [illegible] действительности [illegible] образный [illegible] и философии жизни.

Дать [illegible] представление о спектакле [illegible] трудно — любой сложный [illegible] не передаст того, что нужно и увидеть, и услышать, и [illegible].

Разве не факт сегодня, что [illegible], потрясения мы редко испытываем в театре? Что усредненность подхода [illegible] чтобы не было грустно, [illegible] театрального искусства его [illegible] художественного и нравственного воздействия!

Трагизм в эстетике Э. Някрошюса [illegible] означен. Трагичны противоречия [illegible] бытия, борьба возвышенного [illegible] естественного и искусственного, [illegible] и обыденного. Трагизм его спектаклей — не в [illegible] стремительных ситуациях, а в течении будней.

Недавно Э. Някрошюс поставил «Дядю Ваню». [illegible] своей драматургии, верному ее [illegible] ной стилистики, критический дух нашего времени.

Нет в спектакле нерушимого уюта дворянской усадьбы, нет и осенней красоты природы. [illegible] [illegible] Астров. Угрюмая, [illegible] жизнь, а в природе замечает лишь погибающей [illegible] в глубине сцены большая картина родимой ре[illegible]. Нет и [illegible] уверенного в себе работяги Астрова. Но по-прежнему сильно звучит финальный монолог Сони, вздрагивает слово дяди Вани от сдерживаемых рыданий.

Подчеркнутое противопоставление Войницкого Астрову — основа концепции спектакля. Тема нравственной стойкости, духовной цельности в сопротивлении пошлой обыденщине, засилью мещанства — тема сегодняшнего дня. Падение Астрова в этом спектакле возвышает сопротивляемость Войницкого, Сони, их мужество, волю и веру.

Зловещая фигура Серебрякова — концентрированное воплощение всего отсталого, неподвижного. В. Багдонас играет [illegible] почти на [illegible] [illegible] Но не образом обнаруживается не [illegible], а пугающей своей реальностью [illegible] сила. Косная, [illegible] на [illegible] разрушающая все [illegible] [illegible]. Гротесковое начало спектакля и в группе слуг, [illegible]ной, самодовольной [illegible] [illegible] в [illegible] фарсовом [illegible], они подчеркивают беззащитность, хрупкость Войницкого, Сони.

Несмотря на заостренность образов, спектакль пронизан чеховской тоской, атмосферой мечты о другой жизни.

В роли Войницкого актер В. Петкевичюс, играя духовно здоровую, цельную личность, достигает поистине трагической силы.

Астров — К. Сморигинас. Балансирует между верой и безверием. В мечту [illegible], в мечту [illegible] [illegible], но это только маска — [illegible] [illegible]шанство, он уже не осознает, что сам погружается в его болото. Горький привкус [illegible] [illegible]лом, [illegible] в жизни сопровождается в игре актера немалой долей комизма. Той горькой погубленной жизни, которая вызывает уже не только смех, но и сожаление.

Ярка, неожиданна трактовка образа Вафли (Ю. Поцюс). Чудаковатый насмешливый бородач за [illegible] беспредельной восторженностью [illegible]. Грустно [illegible] [illegible]

[illegible] вающая Тамара Андреевна (А. Смирнова) свои страдания, свою нерастраченную женственность скрывает за игрой в кокетство.

Образная система спектакля объединена в одно целостное произведение и тонко продуманной музыкальной партитурой. Режиссеру чрезвычайно помог композитор Ф. Латенас, он создал особый настрой чистой, прозрачной ностальгии, тоски. Кажется, в этом спектакле удалось достичь того, к чему призывал Михаил Чехов в своей книге, — «Как можно больше свободы в обращении с несовместимыми элементами! Только смелость, только свобода нужны!»

Ю. ЛОЗОРАЙТИС